

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

**СБОРНИК АРАБСКИХ ИЗРЕЧИЙ VIII—X вв.
В КАРАИМСКОЙ РУКОПИСИ**

В средние века у многих народов получили распространение сборники правоучительных изречений. Большое количество подобных сборников существовало и в арабской литературе. Изучение этого жанра арабской литературы способствует воссозданию истории арабского фольклора и истории арабской общественной мысли.

В собрании А. С. Фирковича, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, имеется несколько рукописей, отражающих интерес еврейского и караимского населения стран Ближнего Востока к арабским пословицам и изречениям (текст арабских пословиц и изречений мусульманских мудрецов написан по-арабски еврейскими буквами). К сожалению, почти все эти рукописи фрагментарны, без начала и конца, и лишь одна рукопись содержит полный текст сборника изречений.

Эта рукопись находится в первом собрании Фирковича (шифр: Евр. I 657—658) и представляет собой длинную узкую тетрадь без переплета объемом 16 листов (текст занимает 12 листов, а в начале и в конце тетради оставлено по два чистых листа). Размер листов 40,5×14 см (текст — 35×12 см), 44 строчки на странице. Бумага европейская, с филигранью «корона с полумесяцем своеобразной формы». Текст написан двумя писцами: первым — л. 1а—11а и приписка на л. 1б—1а, вторым — л. 11б—12а. Оба почерка можно определить как разновидности крымского полукурсива.¹ Первый почерк довольно мелкий, характерные особенности его: «алеф» — кривая наклонная линия, перечеркнутая маленькой тонкой черточкой (наподобие изогнутого креста или латинского t); «зайин» изогнут, напоминает «хэ» сефардийских почерков; у «қѳа» вместо головки маленькая черточка, оторванная от хвоста. Второй почерк крупнее: «алеф» пишется иначе (наподобие «хэта», с косой черточкой справа); написание «зайина» близко к квадратному почерку; головка «қѳа» имеет обычную форму, хотя также оторвана от хвоста. Заглавия первых трех сочинений этой сборной рукописи и заголовки глав первого сочинения выписаны более крупно, квадратным почерком. Имена писцов нигде не указаны.

Решающее значение для датировки рукописи имеет приписка, сделанная первым писцом на обороте листа I (защитного листа перед текстом) и в верхней части листа 1а. В первой части приписки (л. I) перечисляются расходы, связанные с перевозкой товаров, принадлежавших некоему Исā Паше, из Крыма в Стамбул (среди товаров упоминаются кожи). Первая строчка написана арабскими буквами:

¹ Перечисленные ниже палеографические особенности характерны именно для крымских почерков (ср. брачный контракт 1719 г. из Чуфут-Кале, шифр: ГПБ, Фирк. Евр. II К 27).

аравский текст продолжается уже в еврейской графике. На л. 1а перечисляются долги, уплаченные писцом по возвращении из Крыма в 5548 г. «от сотворения мира», т. е. в 1788 г.

Сама по себе приписка заслуживает внимания историков, поскольку свидетельствует о сохранении торговых связей Крыма с Турцией после присоединения Крыма к России (1783 г.). Любопытно упоминание о том, что пошлина, уплаченная русским властям при вывозе товара из Крыма, составила 10 гурушей (пиастров), а на турецкой таможне в Стамбуле было уплачено 20 гурушей.

Вместе с тем приписка позволяет высказать некоторые предположения о личности первого писца. Очевидно, он был приказчиком 'Исā Паши, ведал его торговыми делами и сам сопровождал товар, упоминаемый в приписке. Сочетание характерного крымского почерка и арабского языка может быть объяснено двояко: либо это был крымский караим, по роду своей службы часто бывавший в арабских странах (по крайней мере в Египте) и знавший арабский язык, либо египетский караим, живший долгое время в Крыму. Предположение о какой-то связи этого писца с Египтом возникает на том основании, что в приписке несколько раз употребляется частица **בתאע** = **بتاع**, характерная для египетского диалекта арабского языка,² напр.: **אלפקיר בתאע אלרבנין** = **الغفير بتاع الربنين** «бедняк из раббанитов» (л. 1а), **אלבצעה בתאעית עיסי בשא** = **البضعة بتاعت عيسى بشا** «товар 'Исā Паши» (л. 1), во втором случае засвидетельствована форма женского рода той же частицы.

Приписка написана, очевидно, вскоре после приезда писца из Крыма и дает возможность предполагать, что сама рукопись была переписана около 1788 г. в Крыму или в Стамбуле.

Данная сборная рукопись содержит четыре сочинения:

1. Сборник изречений **כתאב אלדר אלמנזום** = **كتاب الدر المنظوم** «Книга названного жемчуга» (л. 1а—8а).

2. Караимский арабоязычный трактат **מצות ציצית** «Заповедь о цיצит»³ (л. 8б—10б).

3. Респонс (ответ) некоего караимского деятеля на вопрос о запрещенных браках, на древнееврейском языке (л. 10б—11а).

4. Краткое медицинское сочинение, построенное в форме беседы индийского царя Стефана (**אצטפאן** — л. 11б, с. 4) с врачом; эта беседа якобы имела место в 245 г. х. /859—860 г. Арабский текст в еврейской графике переписан вторым писцом (л. 11б—12а).

Арабоязычные сочинения, вошедшие в состав этой рукописи, отражены в фундаментальном труде М. Штейншнейдера о еврейско-арабской литературе.⁴ Однако только одно из этих сочинений — «Заповедь о цיצит» — может быть отнесено к еврейско-арабской литературе.⁵ Медицинское сочинение безусловно принадлежит мусульманскому автору. Об этом свидетельствует уже начальное славословие, представляющее

² W. Spitta - bey. Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Aegypten. Leipzig, 1880, S. 149.

³ Цיצит (древнеевр.) — кисти, часть ритуальной одежды.

⁴ M. Steinschneider. Die arabische Litteratur der Juden. Frankfurt a. M., 1902, S. 275—276, N 17 (Kitāb ad-durr al-manẓūm); S. 278, N 41 (медицинское сочинение, здесь отмечено под названием ma'āseh — «рассказ»); S. 279, N 45 (Mišwat šišit).

⁵ Наиболее точным определением еврейско-арабской литературы нам представляется следующее: «Еврейско-арабская литература — это арабоязычные сочинения еврейских авторов, предназначенные для еврейских читателей» (J. Blau. The emergence and linguistic background of Judaeo-Arabic. Oxford, 1965, p. 49).

собой соединение двух коранических цитат:⁶ الحمد لله الذى انزل على عبده.

«Слава Аллаху, который ниспослал рабу своему Книгу⁷— руководство для благочестивых». ⁸ Следует также отметить характерную для мусульманских, но непривычную для еврейско-арабских произведений дату по хиджре и полное отсутствиеebraизмов в тексте.

Что же касается сборника изречений «Книга нанизанного жемчуга», то его арабское происхождение не подлежит никакому сомнению. Оно могло бы быть легко доказано даже в случае, если бы наша рукопись являлась уникальной. Обращают на себя внимание некоторые типично мусульманские фразы в тексте (4б, 34): لا حول ولا قوة الا بالله العلى العظيم: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха всевышнего, великого!». ⁹ О мусульманском происхождении сборника свидетельствуют также упоминаемые в нем имена мудрецов. Недавно в печати появилось сообщение об арабской рукописи этого сборника, датированной XVI в. и находящейся в Университетской библиотеке в городе Лидсе (Англия).¹⁰

Изречения в сборнике сгруппированы по числу упоминаемых предметов,¹¹ в соответствии с этим сборник разделен на десять глав: «Глава первая — об одном слове» (л. 1а), «Глава вторая — о двух словах» (л. 1б) и т. д. В качестве авторов изречений фигурируют популярный персонаж арабского фольклора Лукман, йеменские традиционалисты VII в. Ka'б ал-Ахбār и Вахб ибн Мунаббих, халифы 'Али ибн Абū Тāлиб и Ибн ал-Му'таз (861—908), везир Йахйā ибн Хāлид ал-Бармеки (ок. 738—805), мусульманские авторитеты Джа'фар ас-Ṣāдиқ (VIII в.), Ибрахīm ибн Адхам (VIII в.), Абū-л-Лейс ас-Самарканди (X в.).

Датировка «Книги нанизанного жемчуга» весьма затруднительна. Пока можно только утверждать, что она была написана между XI и XVI вв. на том основании, что самой поздней по времени исторической личностью, упоминаемой в ней, является Абū-л-Лейс ас-Самарканди, умерший в конце X в., и что вторая рукопись этого сочинения относится к XVI в. Ни об авторе книги, ни о месте ее написания никаких данных у нас нет. Некоторые диалектизмы, встречающиеся в тексте, распространены в нескольких арабских странах и вообще могли быть привнесены каким-либо поздним переписчиком. Речь идет о слове جوزة¹² (вместо литературного زوجة) — «жена» (л. 6б, с. 23; 7а, 35) и о форме 3-го лица ед. числа женского рода перфекта глагола كان — «быть»: كَانِت (kānit) вместо كَانَتْ (kānat) (л. 2б, с. 36).

⁶ Далее цитаты из рукописи передаются только в арабской транскрипции.

⁷ Коран XVIII, 1 (рабу своему — пророку Мухаммеду, Книга — Коран).

⁸ Коран II, 1.

⁹ Эта фраза основана на коранических выражениях: لا قوة الا بالله (Коран XVIII, 37) и الله العلى العظيم (Коран XLII, 2).

¹⁰ The University of Leeds. Department of Semitic Languages and Literatures. Catalogue of Oriental manuscripts. By J. Macdonald. Part II [Leeds, 1968], p. 28, N 81.

¹¹ Этот прием был распространен в арабской литературе, ср. антологию Абū Мансūra 'Абд ал-Малика ибн Мухаммеда ас-Са'алиби (961—1038) «Китаб бард ал-акбад фи-л-а'дад» (буквальный перевод: «Книга охлаждения печени в числах»). Об этом сочинении см.: В о s k e l m a n n, GAL, Bd. I, S. 285, N 13; SB, I, S. 501. Брокельману остался неизвестным список этого сочинения, хранящийся в библиотеке восточного факультета Ленинградского университета (шифр: 0777), см.: И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского Университета (1810—1861). Л., 1929, с. 114, № 36.

¹² Метатеза «дж/г/ж» и «з» засвидетельствована (начиная с XIV—XV вв.) как в египетском диалекте, так и во многих говорах Сирии и Палестины, см.: S. S p r i g o. An arabic-english vocabulary of the Colloquial Arabic of Egypt. . . Cairo—London, 1895, p. 90 (s. v. جوزة); G. R. D r i v e r. A grammar of the Colloquial Arabic of Syria and Palestine. London, 1925, p. 16.

Всего в сборнике около двухсот изречений. Многие изречения проникнуты духом аскетизма. Показательно в этом отношении следующее высказывание (л. 16, с. 15—17):

جعل الشر كله في بيت واحد وجعل مفتاحه حب الدنيا وجعل الخير كله في بيت واحد وجعل مفتاحه الزهد في الدنيا

«Помещено всё зло в одном доме, а ключ к нему — любовь к мирской жизни, и помещено всё добро в одном доме, а ключ к нему — аскетизм в мирской жизни». Наряду с подобными изречениями здесь же встречаются и прямо противоположные, призывающие к наслаждению жизнью. Так, например, везиру Йахйя ибн Халиду ал-Бармеки приписывается следующее изречение (л. 66, с. 31—34):

لذة الدنيا ثمانية اشياء الطعام الطيب والمالبارد والثوب اللين والغراش الوطى والدار الواسعة والامراة الموافقة والجارية الفارحة والمقدرة على الاحسان

«Прелестей мирской жизни восемь: хорошая еда, холодная вода, мягкая одежда, низкое ложе, просторное жилище, подходящая жена, бойкая служанка и способность к благодетельности».

В некоторых изречениях нашего сборника (как и вообще во многих произведениях средневековой арабской литературы) высоко оценивается роль науки в жизни людей, восхваляется человеческий разум. Вот одно из таких изречений (л. 2а, с. 32—34):

قالوا الحكماء انى لارحم رجلين رجل يطلب العلم ولا يفهمه ورجل يفهمه ولا يطلب

«Говорят мудрецы: Не жалею я двух людей — человека, который стремится к науке, но не понимает ее, и человека, который понимает (науку), но не стремится к ней». Любопытно высказывание некоего мудреца о разделении наук (л. 36, с. 43—45):

العلوم اربعة الفقه للاديان والطب للابدان والنحو للسان و النجوم لمعرفة الزمان

«Наука четыре: фикх (законоведение) — для вероучений, медицина — для тел, грамматика — для языка и астрономия — для знания времени». Приведем еще два изречения, проникнутых уважением к науке и ученым:

اربعة لاتاذة ولو كنت اميرا شريفا قيامك عن مجلسك لاديبك وخدمتك للعالم الذى تتعلم منه وقيامك على فرسك ولو كان لك مائة عبد وخدمتك لفديفك

«Четырех вещей не гнушайся, будь ты хоть эмиром знатным: уступить свое место для сидения отцу, услужить ученому, у которого ты учишься, ухаживать за своей лошастью (будь у тебя хоть сто рабов) и услужить своему гостю» (л. 36, с. 28—31).

وقال بعضهم العلماء التسعة لمن لا تسعة له لا فضل لمن لا عقل له ولا شرف لمن لا علم له

ولا ثواب لمن لا عمل له ولا اجر لمن لا نية له ولا دين لمن لا عقاف له ولا صديق لمن لا خلق له

ولا راي لمن لا ثبات له ولا رياسة لمن لا علم له ولا خير لمن لا كرم له

«И сказал некий ученый: «У кого нет девяти (качеств), у того нет (и других) девяти: у кого нет ума — нет достоинства; у кого нет знания — нет благородства; у кого нет труда — тому нет награды; у кого нет цели — тому нет вознаграждения; у кого нет смирения — нет веры; у кого нет характера — нет друга; у кого нет твердости — нет мнения; у кого нет знания, тому не может быть дано главенство; у кого нет благородства — нет добра» (л. 7а, с. 20—25).

«Книга нанизанного жемчуга» безусловно заслуживает внимания исследователей. Необходимо прежде всего сравнить две известные пока рукописи этого сочинения, а затем сопоставить «Книгу нанизанного жемчуга» с другими сборниками изречений и по возможности выяснить ее источники.

Ленинградская рукопись, содержащая данное сочинение, представляет интерес как одно из свидетельств о караимско-арабских литературных связях. Очевидно, эти связи не ограничивались территорией арабских стран: некоторые знатоки арабского языка и любители арабской литературы из числа караимов могли жить за пределами Арабского Востока, в частности в Крыму. В этом нет ничего удивительного, поскольку Крым до 1783 г. входил в состав Османской империи и существовало много возможностей для контактов крымских караимов с их единоверцами, проживавшими в арабских странах. Здесь уместно вспомнить также последнего владельца исследуемой рукописи — караима А. С. Фирковича, родившегося в то время, когда была написана эта рукопись. Изучив уже в зрелом возрасте арабский язык, он собирал во время своих путешествий по Востоку (30—60-е годы XIX в.) наряду с рукописями на древнееврейском языке памятники арабской и еврейско-арабской литературы. Деятельность Фирковича в этой области следует рассматривать как продолжение многовековой традиции караимско-арабских культурных связей.

V. V. Lebedev

A COLLECTION OF ARABIC MAXIMS IN A QARAITE MANUSCRIPT

The article contains a description of the manuscript Firkovich Hebr. I 657—658 written about 1788 (probably in the Crimea). The most interesting part of this manuscript (ff. 1r—8r) is the collection of Arabic maxims in Hebrew transcription entitled «Kitāb ad-durr al-manzūm» (The Book of the Threaded Pearls) comprising about two hundred sayings. There are known only two manuscripts of these maxims: one of them is described in the present article, and the other one is preserved in the University of Leeds (MS Arab. N 81). The manuscript Firkovich Hebr. I 657—658 witnesses of Arabic-Qaraite literary relations.
